

РОМАН О ТОМ, КАК ПАДАЮТ, ЧТОБЫ ПОДНЯТЬСЯ

АСФАЛЬТОВЫЙ

МЁД

КРАСНЫЙ ДИПЛОМ
МГУ.
ОБЕЩАЛИ БУДУЩЕЕ.
ВЫДАЛИ ПРОСРОЧЕННУЮ
КРЕДИТКУ.

РОЛЛЫ
ПОД ДОЖДЁМ.
МЕЧТЫ –
ПОД АСФАЛЬТОМ.

ДАЖЕ С САМОГО
ТВЁРДОГО АСФАЛЬТА
МОЖНО СОБРАТЬ
НАСТОЯЩИЙ МЁД.

18+

ЧИТАЕТСЯ ЗАПОЕМ.
ОТКРЫВАЙТЕ — НЕ ПОЖАЛЕЕТЕ

Николай Горденков
Асфальтовый мёд

«Автор»

2026

Горденков Н. А.

Асфальтовый мёд / Н. А. Горденков — «Автор», 2026

Вы когда-нибудь чувствовали, что вас обманули? Что красный диплом, ради которого вы горбатились шесть лет, на деле не стоит бумаги, на которой напечатан? Женя Князев почувствовал. Ему обещали золотые горы, а выдали просроченную кредитку и амортизацию души. Теперь он не аналитик, а ночной курьер. Не строит финансовые модели, а везёт вам роллы под дождём, пока бывшие однокурсники обсуждают опционы. Это история о том, как человек падает на самое дно - теряет любовь, здоровье, веру в себя - и всё-таки поднимается. Не потому что ему повезло. А потому что он однажды решил: хватит быть винтиком. Пора строить своё. С нуля, в гараже, с командой таких же отверженных. «Асфальтовый мёд» - роман о поколении, которое не хочет сдаваться. О драме, в которой вы наверняка узнаете себя. И о том, что даже с самого твёрдого асфальта можно собрать настоящий мёд. Читается запоем. Открывайте - не пожалеете.

© Горденков Н. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	11
Часть 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Николай Горденков

Асфальтовый мёд

Часть 1

От автора

Я не хочу, чтобы вы читали эту книгу за утренним кофе, торопливо глотая страницы. Это роман, который требует медленного, почти ритуального погружения. Он написан человеком, который сам стоял ночью на заправке, сжимая остывший картонный стакан, и смотрел, как габаритные огни машин сливаются в одну сплошную дрожащую линию.

Женя Князев — не выдумка. Я встречал его десятки раз: в такси, в очереди за хлебом, в метро, где он прятал от чужих взглядов красный диплом. Он из тех, кому в школе говорили «ты наше будущее», а потом это будущее выплюнуло их на обочину, словно отработанный материал. Я пишу о нём без прикрас, потому что прикрасы оскорбляют правду. И если вы хоть раз в жизни задавали себе вопрос «зачем я вообще встал с кровати?» — вы узнаете себя в этих страницах.

«Асфальтовый мёд» — не пособие по бизнесу и не дешёвая мотивационная брошюра. Это летопись человеческой души, которая прошла путь от красной корочки до картонного стаканчика, а потом обратно — но уже не за дипломом, а за самой собой. Я писал его, сдирая кожу с собственных воспоминаний, и потому не ждите от меня лёгкого чтения.

С уважением к каждому, кто всё ещё везёт свой заказ, Николай Горденков

Пролог

Диплом жжёт бедро даже через плотную ткань ветровки. Я всегда ношу его с собой. Не всю папку, конечно — только сам листок, сложенный вчетверо, с гербовой печатью, от которой на сгибах уже отслаивается сусальное золото. «Московский Государственный Университет, диплом с отличием, квалификация: специалист по международным экономическим отношениям». Звучит как анекдот, когда ты в три часа ночи стоишь на заправке «Газпромнефть» на пятьдесят третьем километре МКАДа и греешь окоченевшие пальцы о картонный стаканчик с кофе, который по цене сравнялся с баррелем нефти. Ветер здесь особенный — он не просто дует, а выгрызает тепло из любой щели, и даже застёгнутая на все молнии куртка не спасает. Я переминаюсь с ноги на ногу, чувствуя, как асфальт отдаёт холод через подошвы, и стараюсь не думать о том, что час назад перевернул термосумку в багажнике, а теперь мой рейтинг в приложении катится в ад. Мой «Мерседес» — это «Солярис» цвета «мокрый асфальт». Ирония, да? Машина цвета мокрого асфальта, в которой я, как навозный жук, качу по этому самому асфальту свои надежды. Я купил его три года назад у перекупщика в Люблино, долго торговался, отдал почти все сбережения и считал, что это мой билет в новую жизнь. Тогда я ещё не знал, что билет в новую жизнь пахнет пекинской капустой и карри. Этот запах сейчас въелся в обшивку, кажется, намертво — сколько ни проветривай, сколько ни вешай ёлочку на зеркало заднего вида, избавиться невозможно. Я — Женя Князев, двадцать шесть лет. Человек-функция. Тот самый парень, который привозит вам роллы «Филадельфия» в проливной дождь, не зная, что такое «форс-мажор», и везёт пьяное тело от «Симачёва» до Остоженки, не задавая лишних вопросов. Вы смотрите сквозь меня, когда я протягиваю вам пакет, и это нормально. Я уже привык. Телефон в кармане раздражается визгливой трелью приложения — звук похож на сигнал тревоги, и от него каждый раз дёргается глаз. Я вытаскиваю телефон, экран заляпан каплями дождя, приходится вытирать о рукав. Новый заказ. «Доставить: ул. Тверская, 13. Получатель: Марта. Комментарий: Без лука, умоляю!» Марта, умоляющая без лука, — это мой единственный босс. Не директор компании, не начальник отдела, не менеджер среднего

звена — Марта, которой нужен ужин без лука. Я смотрю на диплом, лежащий на пассажирском сиденье. В тусклом свете приборной панели красные корочки кажутся чёрными. Отличный оксюморон — чёрный красный диплом. Как моя жизнь. Я выдыхаю облако пара, и оно смешивается с сигаретным дымом, выходящим из приоткрытого окна «Лексуса», припаркованного у соседнего терминала. Там сидит мужик с лицом, похожим на пельмень, — круглым, лоснящимся, с маленькими глазками — и орёт кому-то по телефону про опционы, фьючерсы, про «закрывать сделку до клиринга, я сказал, до клиринга, у меня там висит восемнадцать лимонов». Я понимаю каждое слово. Я учил это шесть лет. Шесть лет, понимаете? Я сидел ночами в библиотеке, обложившись учебниками Бланшара и Мэнкью, строил эконометрические модели, писал диплом на тему «Влияние геополитических шоков на волатильность валют развивающихся стран» и получил за него высший балл. У меня была статья в «Вопросах экономики» — настоящая, рецензированная, с индексом цитирования. Профессор Гольдман тогда сказал: «Князев, вы далеко пойдёте». И ведь пошёл. Теперь моя главная аналитическая задача — как довести три супа «Том Ям» из Тушино в центр так, чтобы кокосовое молоко не свернулось от тряски на разбитом проспекте. И знаете что? Эта задача ничуть не легче, чем прогнозирование валютных кризисов. Двигатель чихает и заводится. Звук — как у умирающего пылесоса. Я даю ему прогреться пару минут, слушая, как цилиндры с переборами гоняют масло. Надо бы заехать в сервис, но сервис — это деньги, а денег у меня ровно столько, чтобы заправиться, купить сигареты и кофе, а оставшееся отправить маме в Орёл. Мама не знает, кем я работаю. Я соврал ей, что я аналитик в инвестиционной компании, просто пока на низшей должности, и поэтому зарплата маленькая. Она верит. Она всегда мне верит. Я везу заказ. Марта, умоляю, без лука. Я везу тебе твой ужин, думая о том, как ты выглядишь — может быть, это студентка, зарывшаяся в учебники и забывшая поесть, может быть, офисный работник, задержавшийся до ночи, а может быть, одинокая женщина, для которой заказ супа — единственный способ почувствовать, что кто-то о ней заботится. Я часто думаю о своих клиентах. Это помогает не думать о себе. А заодно я везу своё будущее, которое, кажется, застряло в бесконечной пробке где-то между съездом на Кутузовский и полным отчаянием. Тогда я ещё не знал, что иногда для того, чтобы взлететь, нужно упасть на самое дно. Что именно эта ночь, именно этот заказ, именно этот проклятый лук станут точкой невозврата. Потому что именно в тот момент, когда я нажимал на газ, выезжая на ослепительно-пустую Тверскую, меня и настигло оно — простое, как молоток, сообщение в ватсапе от Леры. «Жень, давай честно. Мне нужен мужчина, а не курьер с великовозрастными амбициями. Не ищи меня. И ключи оставь в почтовом ящике». Я перечитал это три раза. Первый раз — просто глазами, не понимая слов. Второй — уже осознавая, и тогда внутри что-то ухнуло вниз, как лифт с оборвавшимся тросом. Третий — чтобы убедиться, что это не шутка. Это была не шутка. Лера никогда не шутила. Я резко крутанул руль вправо, потому что перед глазами всё поплыло. «Солярис» вильнул, правое колесо ударилось о бордюр, термосумка в багажнике перевернулась, и я услышал характерный хлюпающий звук. Том Ям протёк. Это был первый раз, когда мой рейтинг в приложении рухнул ниже четырёх и семи. Но это было только начало. Начало конца, который обернулся самым неожиданным началом.

Часть первая. Эффект красного диплома

Глава первая. Инкубатор иллюзий

За полтора года до той ночи Женя Князев стоял у окна в аудитории на Воробьёвых горах и чувствовал себя властелином вселенной. Это была аудитория номер 412 — большая, светлая, с высокими потолками и скрипучим паркетом, который помнил ещё советских академиков. За окном золотились купола и высотки, а здесь, внутри, пахло мелом и амбициями. Женя обожал этот запах — смесь книжной пыли, старого дерева и чего-то ещё, неуловимого, что он про себя называл «запахом будущего». Ему было двадцать три, и он точно знал, что через несколько

лет будет сидеть в кабинете с видом на Кремль и писать аналитические записки, от которых зависят курсы валют и судьбы рынков.

Профессор Гольдман — старый экономист с усами, похожими на пожелтевший от табака моржовый ус, — ходил вдоль доски, постукивая мелом по ладони. Он читал лекции в МГУ уже сорок лет и за это время, как сам любил говорить, «похоронил три экономических строя, не меняя учебника». Студенты его боялись и обожали одновременно. Боялись — за острый язык, обожали — за то, что он был одним из немногих, кто учил не по бумажке, а по жизни. — Князев, ваш анализ шоковых сценариев для развивающихся рынков — он сделал паузу, обвёл аудиторию взглядом и постучал мелом по доске, — это уровень. Не диплом, а готовая докторская. Я редко такое говорю, сами знаете. За сорок лет — может, раз пять. Так вот, это пятый. У вас дар предвидения цифр. Вы будете либо в Минэкономразвития, либо в могиле. Третьего не дано, у нас капитализм. Вся группа засмеялась — нервно, потому что никто не понимал, шутит ли профессор насчёт могилы. А Женя с трудом сдержал улыбку. Он сидел за третьей партой, у окна, и смотрел, как солнечный свет падает на исписанные формулы. Он знал, что профессор не шутит. Знал, что его расчёты по волатильности валют, которые он ночами вылизывал в общежитии при свете настольной лампы, действительно что-то значат. В те дни он жил в мире формул и прогнозов, где для каждой переменной находилось своё место, а кризисы были лишь предметом научного спора. Мир был понятен и логичен — нужно было только найти правильный коэффициент, подставить его в уравнение, и ответ сходился.

Женя верил в уравнения. Они никогда не обманывали. Он был лучшим на курсе, и это была не тайна. Когда на семинарах кто-то не мог решить задачу, преподаватели говорили: «Князев, покажите классу». И он показывал — выходил к доске, брал мел и за пять минут разбирал то, над чем другие бились час. Его уважали, с ним хотели дружить, у него просили конспекты перед сессией, и он никогда не отказывал — потому что верил, что знаниями нужно делиться. Тем более что конкуренции он не боялся. Он был на голову выше всех. Лера, его девушка, в те дни ещё верила в их общее будущее. Они сидели на узком балконе общежития, пили дешёвое просекко из пластиковых стаканчиков (настоящие бокалы так и не купили — всё время откладывали на потом) и смотрели, как над Москвой-рекой зажигаются огни. Лера была будущим стоматологом — с тонкими пальцами, которые идеально держали бормашину, и стальной хваткой, которая чувствовалась в рукопожатии. Она была красива той холодной, породистой красотой, которую подчёркивали дорогие духи и минималистичные украшения. Они познакомились три года назад на студенческой вечеринке, где он, выпив лишнего, начал ей рассказывать про корреляцию валютных пар, а она, вместо того чтобы уйти, вдруг засмеялась и сказала: «Ты странный, но мне нравится». Потом были три года вместе — с ссорами, примирениями, планами и мечтами. — Женя, мы завоюем этот город, — шептала она, прижимаясь к его плечу. — Ты будешь ворочать миллиардами, а я — лечить зубы олигархам. У нас будет дом с панорамными окнами, и ты наконец выбросишь этот дурацкий свитер с оленями. Обещай мне. — Обещаю, — смеялся он, целовал её в макушку и чувствовал запах её шампуня — кокос, кажется, а может, что-то другое, но всегда дорогое. — И дом, и окна, и свитер выброшу. Всё будет. Он действительно в это верил. Более того — он знал это. Потому что в его картине мира усердие и талант обязательно вознаграждаются, а красный диплом МГУ — это пропуск в высшую лигу. Так ему говорили в школе, так ему говорили в университете, так писали в учебниках. И он ни разу не усомнился в этом. Выпускной пронёсся вихрем — чёрные мантии, шапочки-конфедератки, которые всё время сваливались набок, запах шампанского из горла и счастливые лица однокурсников. Фотограф выстроил их на ступенях главного здания МГУ — того самого, где шпиль уходит в небо на двести сорок метров и где, как гласит легенда, в подвалах замурованы секретные архивы. Женя стоял в центре, сжимая красную папку диплома, и улыбался так широко, что потом мышцы лица болели три дня. Его мать смотрела церемонию по скайпу из Орла, и Женя видел, как она украдкой вытирает слёзы кончиком платка — того

самого, который он помнил с детства, с вышитыми незабудками.— Я так горжусь, сыночек, — повторяла она сквозь треск помех. — Ты только посмотри на себя. Мой сын — выпускник МГУ. С красным дипломом! Если бы отец дожил— Мам, перестань, — говорил Женя, сглатывая комок. — Всё только начинается. Вот получу место, тогда и поплачем. После церемонии они с Лерой поехали в кафе на Чистых прудах, где отмечали до утра. Пили, танцевали, строили планы. Лера прижималась к нему и говорила: «Я так счастлива, Женька. У нас всё получится». А он отвечал: «Конечно, получится. У меня диплом с отличием. Кто откажется от такого специалиста?» И они смеялись, и ночь была тёплой, и Москва лежала у их ног. Он ещё не знал, что большинство дверей, к которым он примерял свой золотой ключ, — декорация.

Глава вторая. Великое отрезвление

Первые звоночки прозвучали уже через месяц после выпускного. Сначала это были даже не звоночки — так, лёгкий ветерок, который можно было списать на случайность. Женя отправил резюме в десяток компаний и получил в ответ тишину. Ну, почти тишину — две вежливые отписки с текстом «ваша кандидатура показалась нам интересной, но в настоящее время мы не готовы сделать предложение» не в счёт. Потом было собеседование в крупном инвестбанке — стеклянный небоскрёб в районе Москва-Сити, пропуск с фотографией, которую делали так, будто он уже преступник. Женя готовился к этому собеседованию неделю. Перечитал все учебники по финансам, выучил наизусть котировки с начала года, подготовил презентацию о себе — десять слайдов, выверенных до запятой. Он пришёл в новом костюме, купленном на последние деньги (тёмно-синий, в тонкую полоску, итальянского кроя — продавец в магазине сказал, что в таком ходят члены правления), и чувствовал себя немного не в своей тарелке. Не потому что костюм был плох — он сидел идеально, — а потому что он сам себе казался немного чужим в этом лакированном мире стекла и бетона.

Девушка из отдела кадров встретила его в переговорной. У неё была ледяная улыбка, идеальный маникюр цвета свежей крови и причёска, которая, кажется, требовала ежеутренней работы целой команды стилистов. Она пролистала его резюме так, словно это был рекламный буклет из супермаркета — быстро, не вчитываясь, задерживаясь взглядом максимум на пару секунд.— У вас впечатляющая теоретическая база, Евгений, — сказала она, не поднимая глаз. Голос у неё был поставленный, с интонациями телеведущей, но без капли тепла. — Мы ознакомились с вашим резюме. Диплом МГУ, статья в «Вопросах экономики», рекомендация профессора Гольдмана Всё это прекрасно. Но поймите, нам нужны волки. Люди, которые уже нюхали кровь реальных сделок, которые не испугаются, когда рынок пойдёт вниз. Ваш диплом — это замечательно, это база, но сейчас рынок требует опыта. опыта, которого у вас, к сожалению, нет. Женя открыл рот, чтобы возразить, но эйчарша уже подняла руку — тонкую, с кольцом, которое стоило, наверное, как три его месячных бюджета.— Мы готовы рассмотреть вас на позицию младшего аналитика. Испытательный срок полгода. Оклад — сорок тысяч рублей до вычета. Как вы на это смотрите? Сорок тысяч не покрывали даже аренду квартиры, которую они с Лерой снимали на окраине. Женя попытался торговаться — приводил в пример свою статью, цитировал цифры, говорил о своих аналитических способностях, о том, что готов работать сутками. Эйчарша слушала с той же ледяной улыбкой, а потом сказала:— Мы свяжемся с вами. Не связались. Женя прождал две недели, каждый день проверяя телефон, каждый раз дёргаясь от каждого уведомления, пока Лера не сказала: «Жень, отпусти. Они не позвонят». И он отпустил. Но это было только начало. Дальше было хуже.

Десятки собеседований, сливающихся в один унизительный ритуал, который он потом прокручивал в голове ночами, думая, где и что сказал не так. Офисы с белыми стенами, где в воздухе витал запах дорогого кофе и чужого успеха. Кожаные кресла в приёмных, в которых он сидел, выпрямив спину, и ждал, когда его пригласят. Вопросы, от которых у него сводило скулы — «Почему мы должны взять именно вас?», «Кем вы видите себя через пять лет?», «Сколько вы хотите зарабатывать?», «Какие у вас есть недостатки?». Он выучил правильные

ответы на каждый, как таблицу умножения. Про пять лет он говорил, что хочет расти вместе с компанией, про недостатки — что слишком требователен к себе, про зарплату — что готов обсуждать. Он выдавал блестящие спички, которые репетировал перед зеркалом, и получал в ответ вежливые отказы — или, что ещё хуже, молчание. Однажды в небольшой консалтинговой фирме на «Красных Воротах» ему сказали: «Вы слишком квалифицированы для этой позиции». Это прозвучало как самая изощрённая издёвка. Он вышел на улицу и долго стоял, глядя на табличку с номером дома, не в силах двинуться с места. Слишком квалифицирован. Слишком умён, слишком образован, слишком талантлив — и поэтому не нужен. В этом был какой-то чудовищный абсурд, который не укладывался в голове. Перелом наступил в конце октября, когда он случайно узнал, что место в министерстве, куда он проходил по конкурсу и куда его рекомендовал лично Гольдман, занял сын какого-то замминистра. Не просто замминистра — заместителя министра экономического развития, что было особенно горько. Женя столкнулся с этим парнем в курилке после очередного этапа отбора. Тот был молодой, холёный, с лоском частной школы, от которого пахло дорогим парфюмом и уверенностью, не подкреплённой ничем, кроме фамилии. Женя знал его — они пересекались на каких-то семинарах, и этот парень всегда сидел на задней парте, играя в телефоне. — Старик, ну ты же понимаешь, как это работает, — сказал он, затягиваясь тонкой сигаретой и выпуская дым колечками. — У тебя мозги, у меня — фамилия. Мозги, к сожалению, котируются ниже. Таков рынок труда, а ты экономист, должен понимать. Он засмеялся — неприятным, дребезжащим смехом, — потушил сигарету о край урны и ушёл. А Женя остался стоять, глядя на мятую пачку сигарет, которую сжимал в руке. Это был чужой смех, и он ещё долго звенел у него в ушах. Несколько дней, недель — он просыпался ночью и слышал этот смех, как эхо. Так он впервые сел за руль «Соляриса». Это был автомобиль его отца — старенький, битый, с пробегом под двести тысяч, — который мать отдала ему после смерти отца со словами «пусть будет, в Москве пригодится». И ведь пригодился. В бардачке, под стопкой старых чеков и запасными перчатками, лежал сложенный диплом. Женя положил его туда в первый день работы в такси — не нарочно, просто сунул в бардачок, когда освобождал карманы, и с тех пор так и возил. Сначала это казалось временной мерой. «Перекантуюсь пару месяцев, подкоплю денег, продолжу искать», — говорил он Лере, и она кивала, но с каждым днём в её глазах гасло что-то важное. Они стали реже разговаривать по вечерам. Раньше они могли час висеть на телефоне, обсуждая прошедший день, строя планы, смеясь над какой-нибудь глупостью. Теперь Женя приходил домой без сил, падал на кровать и засыпал, не раздеваясь, а Лера сидела в соседней комнате с ноутбуком, и свет экрана освещал её лицо, ставшее вдруг чужим и далёким. В их маленькой квартирке на окраине Москвы поселился третий — липкий запах неудачи, который не выветривался никакими ароматизаторами, сколько ни покупай эти свечки из ИКЕА с запахом ванили. Уход Леры стал кульминацией этого акта. Это не было импульсивным решением — Женя замечал, как она начала задерживаться на работе, как сменила духи на более дорогие (теперь это был не кокос, а что-то сложное, мускусное), как в её телефоне всё чаще мелькали сообщения от какого-то «Глеба Игоревича». Однажды он случайно увидел это имя на экране, когда Лера вышла из комнаты, оставив телефон на столе. «Глеб Игоревич: Сладкая, как насчёт ужина в четверг?» Женя ничего не сказал тогда. Может, зря. А может, и нет — слова уже ничего не решали. Их последний разговор произошёл на кухне, где под потолком мигала перегорающая лампочка — та самая, которую Женя обещал заменить ещё месяц назад, да всё руки не доходили. Лера сидела напротив, прямая, как струна, положив руки на стол — те самые тонкие пальцы, которые должны были лечить зубы олигархам, — и говорила спокойным, почти чужим голосом: — Жень, ты хороший. Ты очень умный. Но я хочу семью, детей, стабильность. А твоя стабильность — это просроченный заказ и чаевые в двадцать рублей, если повезёт. Я так устала. Я устала ждать, пока ты станешь тем, кем обещал. Я устала врать маме, что у нас всё хорошо. Я устала откладывать жизнь на потом. Он не кричал. Просто смотрел на её ухоженные руки,

сложенные на столе, и понимал, что эти руки никогда больше не будут гладить его по голове после тяжёлого дня. Он вспомнил, как она впервые сделала это — три года назад, когда он провалил зачёт по макроэкономике и лежал, уткнувшись в подушку, уверенный, что жизнь кончена. Она тогда села рядом, положила ладонь ему на голову и сказала: «Ерунда, пересдашь. Ты же Князев». Теперь она говорила другое. И это была уже не та Лера. — Хорошо, — сказал он. — Я оставлю ключи в почтовом ящике. Она встала, взяла сумку (уже собранную, заметил он — она подготовилась заранее) и пошла к двери. На пороге обернулась, и на секунду в её глазах мелькнуло что-то прежнее — та Лера, которая смеялась на балконе общежития и обещала завоевать Москву. — Прости, — сказала она тихо. — Мне жаль, что так вышло. — Мне тоже, — ответил он, не глядя на неё. Дверь закрылась. Щёлкнул замок. Женя остался один в пустой квартире, где пахло её духами и несбывшимися планами. Он посидел минуту, глядя на мигающую лампочку, потом встал, открыл приложение такси и включил режим «Повышенный спрос». Работа стала его единственным убежищем, местом, где не нужно было думать. Где не было ни прошлого, ни будущего — только дорога, заказы и бесконечный асфальт под колёсами.

Часть 2

Глава третья. Первая смена.

Первый раз я сел за руль такси не от хорошей жизни. Это случилось через неделю после того разговора в курилке с холёным сынком замминистра.

Я вернулся домой, разделся, лёг на диван и пролежал так до вечера, глядя в потолок. Потом встал, нашёл в интернете объявление о подключении к агрегатору, заполнил анкету и через день получил доступ. Никакого торжественного момента, никакого рубежа. Просто открыл приложение, нажал кнопку «На линию» и поехал. Был конец октября — самое мерзкое время для автомобилиста. Дождь то начинался, то переставал, оставляя на асфальте жирную грязную плёнку, в которой отражались огни светофоров. Дворники елозили с противным скрипом, размазывая по стеклу смесь воды и дорожной соли. Я нервничал, хотя сам себе боялся в этом признаться. Одно дело — возить друзей или Леру, и совсем другое — сажать в машину незнакомцев, которые платят тебе деньги и ждут, что ты доведёшь их быстро и молча. Первым пассажиром оказалась женщина лет сорока, которая села на Павелецкой и попросила отвезти её в Чертаново. Она была в сером пальто и с большим пакетом из продуктового, который она аккуратно поставила на сиденье рядом с собой. Всю дорогу она молчала, уткнувшись в телефон, и только в конце, когда я припарковался у её подъезда, сказала: «Спасибо, молодой человек. Хорошо ведёте, плавно». Я кивнул, стараясь не выдать, как сильно у меня дрожат руки от облегчения. Первый заказ выполнен. Первый рейтинг — пять звёзд. Я смотрел на эти пять звёздочек в приложении с такой гордостью, будто мне вручили Нобелевскую премию. Вторым пассажиром стал мужчина, который сел на Варшавке и сразу начал говорить по телефону. Говорил он громко, с начальственными интонациями, и из его разговора я понял, что он владелец небольшой строительной фирмы, у него сорвали сроки поставки бетона и он вот-вот сорвёт контракт. Я слушал краем уха, выкруливая в левый ряд, и думал: «Вот человек, у которого свои проблемы, свои страхи, свои битвы. Он даже не замечает меня — просто функцию, которая везёт его из точки А в точку Б». И впервые за долгое время я почувствовал себя не жертвой обстоятельств, а кем-то полезным. Я решал чужую проблему. Пусть крошечную, пусть за гроши, но решал. К вечеру я освоился. Перестал вздрагивать от каждого уведомления, научился быстро находить подачу, понял, где лучше парковаться в ожидании заказа. За шесть часов я сделал двенадцать поездок. Заработал тысячу четыреста рублей. Если пересчитать на месячный доход, выходило чуть больше тридцати тысяч — столько же, сколько мне предлагали на той позиции младшего аналитика. Только здесь не было унижительных собеседований, ледяных улыбок эйчарш и ожидания звонка, который никогда не раздастся. Я вернулся домой около полуночи, уставший, но почти счастливый. Поставил чайник, сделал бутерброд и сел за стол. На столе лежала раскрытая тетрадь с моими старыми расчётами по валютным рискам. Я посмотрел на неё, потом перевёл взгляд на приложение такси, где горели мои первые заработки. И понял, что это — точка невозврата. Я больше не теоретик. Я — практик. На следующий день я вышел на линию снова. И через день. И через неделю. Лера ещё не знала — я не решался ей сказать. Говорил, что ищу работу, что хожу по собеседованиям, что вот-вот будет оффер. Она верила. Или делала вид, что верит. А я тем временем наматывал километры по Москве, узнавал её дворы, проезды, тупики и пробки. Учился слышать людей. Учился молчать, когда нужно молчать, и говорить, когда нужно говорить. Однажды, недели через три, я вёз пожилую пару. Они сели в районе Китай-города и попросили отвезти их в Измайлово. Дед был сухонький, с орденскими планками на пиджаке, бабушка — маленькая, в платочке, с корзинкой. Они говорили между собой тихо, но я слышал. — Вот видишь, Коля, вызвали машину, едем, — говорила бабушка. — А ты боялся, что не доедем. — Да я не боялся, — отвечал дед. — Просто ноги уже не те, а метро далеко. — Ничего, — улыбнулась она и посмотрела на меня

в зеркало заднего вида. — Молодой человек нас довезёт. У него глаза добрые. У меня глаза добрые. Я запомнил эту фразу на всю жизнь. Потому что это было первое человеческое тепло, полученное мной за рулём. Не чаевые, не рейтинг — просто слова. Просто признание того, что я — не функция.

В тот вечер я приехал домой и впервые за долгое время не стал включать ноутбук с рассылкой резюме. Вместо этого я открыл приложение такси, посмотрел на историю поездок и начал анализировать. В какие часы больше заказов? В каких районах выше тарифы? Где дольше всего пробки? Я исписал три страницы мелким почерком, и это было похоже на университетские конспекты, только гораздо интереснее. Потому что теперь это была не теория. Это была моя жизнь.

Глава четвёртая. Тени однокурсников.

Прошло около двух месяцев с того дня, как я впервые сел за руль. К концу декабря я уже не просто работал таксистом — я жил этой работой, дышал ею, встраивал её в свой распорядок с той же естественностью, с какой раньше встраивал пары и семинары. За это время я многое понял про Москву. Вернее, про ту её часть, которую не показывают на открытках.

Я понял, что город живёт по двойным стандартам. Есть Москва дневная — та, что сверкает витринами, пахнет кофе и дорогим парфюмом, ездит на «Мерседесах» и стоит в пробках с каменными лицами. И есть Москва ночная — та, что просыпается после одиннадцати, когда зажигаются жёлтые фонари, а на улицы выползают те, кому не спится. Именно ночная Москва стала моей специализацией. Я выходил на линию часов в восемь вечера и работал до пяти утра, потому что ночью тарифы были выше, пробок меньше, а пассажиры — откровеннее. За эти два месяца я повидал столько, сколько иной не увидит за всю жизнь. Я возил чиновников, которые, напившись, начинали хвастаться откатами. Возил жён олигархов, которые плакали в трубку, выясняя отношения с любовницами. Возил студентов, которые репетировали передо мной свои защиты дипломов. Возил бабушек, которые ездили по ночам в аптеку за лекарством для внуков. Каждый раз, когда в мою машину садился новый человек, я чувствовал себя немного антропологом: изучал повадки, слушал интонации, запоминал фразы.

Но самыми болезненными были встречи с теми, кого я знал раньше. С теньями моей прошлой жизни. Первая такая встреча случилась в конце ноября. Я забрал заказ на Кутузовском — пассажир вызвал такси класса «комфорт», но агрегатор по ошибке распределил его на меня, потому что свободных машин класса выше поблизости не оказалось. Я подъехал к офисному центру и замер: из дверей вышел Игорь Самойлов, мой однокурсник. Тот самый Игорь, который вечно списывал у меня макроэкономику и умолял «Жень, ну выручи, ну зачёт через два дня, а я ничего не понимаю». Тогда он ходил в растянутом свитере и просил займы до стипендии. Сейчас он был в дорогом пальто, с портфелем из тиснёной кожи и с таким выражением лица, будто владел половиной этого города. Он сел на заднее сиденье, уткнулся в телефон, и я слышал, как он кому-то диктует: «Нет, этот контракт не пойдёт. У нас риски по валютной оговорке превышают допустимый порог, нужна новая редакция». Я молча вырулил на проспект, стараясь не смотреть в зеркало заднего вида. Сердце колотилось где-то в горле. Минут десять мы ехали молча. Потом он вдруг поднял глаза, встретился со мной взглядом в зеркале и замер. — Князев? — спросил он недоверчиво. — Ты? Я сглотнул. Можно было бы соврать, притвориться кем-то другим, но Игорь знал меня пять лет. Он не мог ошибиться. — Я, — сказал я, не оборачиваясь. — Привет, Игорь. Повисла пауза — тяжёлая, как бетонная плита. Игорь отложил телефон и несколько секунд просто смотрел на мой затылок. — Ты таксуешь? — спросил он наконец, и в его голосе смешались удивление, неловкость и что-то ещё, что я не сразу распознал. Позже я понял: это было злорадство. Тонкое, почти незаметное, но злорадство. — Такую, — подтвердил я. — А как же твой красный диплом? Ты же лучшим был на курсе. Гольдман говорил, что ты в Минэкономразвития пойдёшь. — Гольдман ошибся, — сказал я. — В Минэкономразвития пошли те, у кого фамилии. А у меня только диплом. Игорь хмыкнул, и в

этом хмыканье прозвучало всё, что он думал о моём падении. Потом он назвал адрес на Рублёвке, и остаток пути мы проехали в молчании. На прощание он сунул мне купюру и сказал: «Сдачи не надо. Удачи тебе, Князев. Не пропадай». И вышел. А я ещё долго сидел в машине, сжимая в руке две тысячи рублей, которые он дал за поездку стоимостью в восемьсот, и думал, что эта разница и есть цена нашего общего прошлого.

Вторая встреча случилась через пару недель. Я стоял на заправке на Ярославском шоссе, грел руки о картонный стакан и курил, когда из соседней машины вышла Лена Кораблёва, моя бывшая одногруппница. Мы не виделись года два. Она была из тех, кто всегда сидел на первой парте, записывал каждое слово профессора и сдавал всё на пятёрки, но без блеска, без искры — просто за счёт усидчивости. Она узнала меня сразу и, в отличие от Игоря, не стала скрывать удивления. — Жень, — сказала она, подходя. — Я смотрю, ты таксистом работаешь? — Да, — коротко ответил я. — А я в «Газпромбанке», — сказала она не без гордости. — Аналитиком. Платят, правда, не очень, но зато стабильность, соцпакет, ипотека. А ты почему не по специальности? У тебя же такой потенциал был. Я посмотрел на неё и вдруг подумал, что мы с ней похожи больше, чем она думает. Мы оба старались, оба учились, оба хотели лучшего. Только ей повезло — она попала в струю, а меня выбросило на обочину. Но говорить ей об этом я не стал. — Не срось, — ответил я. — Рынок труда, знаешь ли. — Да уж, — она покачала головой. — Слушай, если хочешь, я могу спросить у нашего HR, вдруг есть вакансии младшего персонала. Ну, курьера или что-то такое. Всё лучше, чем баранку крутить. — Спасибо, Лен, — сказал я, чувствуя, как внутри закипает что-то горькое, — я подумаю. Она уехала, а я остался стоять с остывшим кофе в руке. «Младший персонал». Для них я уже не коллега, не конкурент, не равный. Я — младший персонал. Обслуживающий. Тот, кто стоит за дверью, пока они сидят в переговорной. Тот, о ком говорят «потенциал был», как будто я уже умер. Эта встреча задела меня сильнее, чем я ожидал.

Я приехал домой, лёг на диван и пролежал так до утра, глядя в потолок и прокручивая в голове её слова. «У тебя такой потенциал был». Был. Прошедшее время. Как будто моя жизнь закончилась в двадцать три года, а всё, что дальше, — это какой-то черновик, который никто не будет читать.

А потом случилась третья встреча, которая перевернула всё с ног на голову. Это было перед самым Новым годом, числа двадцать восьмого декабря. Москва стояла в пробках — все ехали за подарками, за продуктами, за ёлками. Я взял заказ на Тверской и приехал по адресу. Из подъезда вышел профессор Гольдман. Тот самый. Я не видел его с самого выпускного. Он постарел, осунулся, но усы всё так же топорщились в стороны, придавая ему вид старого моржа, который случайно забрёл в мегаполис. Он сел на заднее сиденье и сразу назвал адрес в центре. Я включил счётчик и вырулил в поток. В салоне повисла тишина. Потом он вдруг сказал: — Молодой человек, простите, я, кажется, вас знаю. Вы не учились у меня? Я сжал руль. Можно было бы отмолчаться, но я уже устал прятаться. — Учился, — сказал я. — Князев. Евгений. Выпуск два года назад. Красный диплом. Гольдман замолчал. Я слышал, как он тяжело дышит. А потом он сказал фразу, которая осталась во мне навсегда: — Князев Я помню вас. Вы лучшую работу по волатильности написали. А теперь таксистом? Как же так? — Рынок, — коротко ответил я. — Конкуренция. Связи. — Связи, — повторил он горько. — Да, связи. Я сорок лет преподаю и знаете, что я понял? В этом городе каждый третий таксист — бывший отличник. Просто они молчат об этом. Это не ваша вина, Женья. Это вина системы, в которой диплом превратился в фантик. Мне стыдно перед вами. Я вас учил, обещал золотые горы, а по факту — он не закончил. Мы приехали. Он вышел, достал кошелек и протянул мне пять тысяч рублей. Я попытался отказаться, но он сунул купюру мне в ладонь и сказал: — Не сдавайтесь. Такие, как вы, нужны стране. Даже если страна этого пока не понимает. И знайте: ваш диплом — это не просто корочка. Это доказательство того, что вы умеете думать. А думающие люди рано или поздно находят свой путь. Он ушёл, а я остался сидеть в машине, глядя на мятую

пятитысячную купюру. Эти слова — «не сдавайтесь», «ваш диплом — это не просто корочка» — были тем, чего мне не хватало все эти месяцы. Я не знал, увижу ли Гольдмана снова, но я знал точно: его слова останутся со мной. Как компас. Как напоминание.

Вечером я вернулся домой и первым делом полез в бардачок. Диплом лежал там, под стопкой старых чеков и запасными перчатками. Я достал его, развернул и долго смотрел на строчки. «Диплом с отличием». Когда-то эти слова были моим козырем, потом — моим клеймом. Теперь я смотрел на них иначе. Может быть, это и правда доказательство того, что я умею думать. И может быть, думающие люди действительно находят свой путь. Просто не всегда тот, который они себе представляли.

В тот вечер я позвонил маме. Она, как всегда, спросила про работу. Я набрал воздуха и сказал:— Мам, я таксист. Уже три месяца. Тишина в трубке. Потом её голос, осторожный, как первый лёд:— Женя, но как же... Твой диплом... Ты же шесть лет учился...— Знаю, мам. Но сейчас так. Ты не переживай. Я зарабатываю, у меня есть план. Просто нужно время. Она вздохнула, и я услышал, как она всхлипнула.— Я всё равно горжусь тобой, сынок. Любая работа — достойная. Лишь бы ты был здоров. Лишь бы не отчаялся.— Не отчаюсь, — пообещал я. — Я приеду на Новый год. Жди. Я положил трубку и почувствовал странное облегчение. Я перестал врать. Перестал притворяться. И впервые за долгое время мне стало легко.

Глава пятая. Лера: анатомия разрыва.

Отношения умирают не мгновенно. Это не выстрел и не удар ножа — это долгая, изматывающая болезнь, которую поначалу не замечаешь, списывая симптомы на усталость, на погоду, на временные трудности. А когда замечаешь — уже поздно. Метастазы проникли всюду, и остаётся только зафиксировать смерть. С Лерой мы прожили вместе почти четыре года. Из них три с половиной были счастливыми — во всяком случае, мне так казалось. Мы ссорились, как все, мирились, строили планы, смеялись, занимались любовью, ругались из-за немытой посуды, а потом снова смеялись. Я не замечал трещин, потому что не хотел их замечать. Мне было удобно думать, что у нас всё хорошо, что мы — та самая пара, которая «создана друг для друга». А когда реальность перестала совпадать с этой картинкой, я просто отворачивался. Первые звоночки прозвенели ещё до выпускного. Лера начала задерживаться на работе — сначала на полчаса, потом на час, потом до ночи. Она говорила, что это практика, что её ценят как специалиста, что она хочет попасть в ординатуру и ей нужно себя проявить. Я верил. А что мне оставалось? Она возвращалась домой уставшая, падала на кровать, отворачивалась к стене и засыпала, не сказав мне ни слова. Иногда я слышал, как она вздыхает во сне — тяжело, протяжно, словно даже во сне она несла какой-то груз. Я не спрашивал, что с ней. Боялся услышать ответ. Потом начались другие мелочи. Она перестала носить мои подарки — те самые серьги-капли, которые я подарил ей на день рождения, когда мы были на третьем курсе. Сказала, что они не подходят к новому стилю. Потом сменила духи — раньше пахла кокосом, а теперь чем-то сложным, мускусным, дорогим. Я спросил однажды: «Откуда духи?» Она ответила: «Подарок от коллеги». Я не стал уточнять, какого именно коллеги. Имя «Глеб Игоревич» я впервые услышал случайно. Лера забыла телефон на кухонном столе, а сама была в ванной. Телефон зажужжал, высветилось уведомление: «Глеб Игоревич: Сладкая, как насчёт ужина в четверг?» Я стоял и смотрел на экран, пока он не погас. В груди что-то оборвалось, но я сказал себе: «Не выдумывай. Это просто коллега. Это ничего не значит». И не сказал Лере ни слова. Ни в тот день, ни на следующий. Я запихнул эту боль глубоко внутрь, туда же, куда запихивал все свои неудачи с работой, и сделал вид, что всё нормально. Последние месяцы перед разрывом мы почти не разговаривали. Не ссорились — ссора требует эмоций, требует участия, — а просто существовали параллельно, как два трамвая, идущие по одному маршруту, но в разное время. Я приходил с ночных смен, она уходила на работу. Когда я просыпался, она уже спала. Когда она возвращалась, я снова уезжал. Мы передавали друг другу эстафету молчания, и квартира наполнялась им, как вода наполняет тонущий корабль. Однажды я попытался поговорить. Был

редкий вечер, когда мы оба оказались дома. Я приготовил ужин — ничего особенного, просто пасту с томатным соусом, — зажёл свечу, которую мы привезли из какой-то давней поездки. Она села за стол, поковыряла вилкой и отодвинула тарелку. — Жень, — сказала она, глядя не на меня, а куда-то в стену, — нам нужно серьёзно поговорить. Я замер с вилкой в руке. Сердце ухнуло вниз, потому что фраза «нам нужно серьёзно поговорить» никогда не предвещает ничего хорошего. Это как в анекдоте про врача, который говорит: «Присядьте». После этого не встают. — О чём? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя внутри уже всё дрожало. — О нас. О том, куда мы движемся. Вернее, о том, что мы никуда не движемся. Я отложил вилку и посмотрел на неё. Лера сидела, выпрямив спину, сжав губы в тонкую линию, и была похожа на ту Леру, которую я знал всегда, — собранную, решительную, знающую, чего она хочет. Но в глазах было что-то новое. Усталость. Нет, не усталость — опустошённость. Так смотрят люди, которые долго несли неподъёмный груз и наконец решили его бросить. — Жень, я устала, — продолжила она тихо, но каждое слово звучало как приговор. — Я устала ждать. Ты говоришь, что ищешь работу, но проходят месяцы, а ты всё так же крутишь баранку. Ты получил красный диплом, у тебя светлая голова, а ты сидишь в такси. Я не виню тебя — я знаю, что ты стараешься. Но я больше не могу. Мне двадцать пять, я хочу семью, детей, стабильность. Хочу не считать копейки до зарплаты. Хочу не врать маме, что у нас всё хорошо. Хочу будущего. — Я тоже хочу будущего, — сказал я, и голос сорвался на полуслове. — Я работаю над этим. Дай мне ещё немного времени. — Сколько? — спросила она, и в этом вопросе был не сарказм, а искреннее отчаяние. — Сколько тебе нужно времени, Жень? Год? Два? Пять? Я не могу ждать бесконечно. Я не ответил, потому что не знал, что ответить. Она была права — я не мог обещать ей ничего конкретного. У меня не было ни плана, ни гарантий, ни перспектив, которые можно было бы положить на стол и сказать: «Смотри, это наше будущее, оно реально». У меня были только ночные смены, картонные стаканы кофе и разговоры с пьяными пассажирами. Она встала из-за стола. — Я пока поживу у подруги, — сказала она, не глядя на меня. — Нам обоим нужно подумать. — Лера... — Не надо, Жень. Не сейчас. Я правда устала. Она ушла в спальню, а я остался сидеть за столом, глядя на остывшую пасту и догорающую свечу. Этот разговор был первой трещиной. Вторая пошла через неделю, когда она вернулась. Мы не обсуждали её отсутствие — просто продолжили существовать параллельно, но теперь между нами поселилась чужая тень. Я знал, что она видится с «Глебом Игоревичем», она знала, что я знаю, но мы оба делали вид, что ничего не происходит. Это была игра с открытыми картами, где каждый боится первым сказать «пас». Финальный разговор произошёл на кухне. Было утро, серое и промозглое, под потолком мигала перегорающая лампочка — та самая, которую я обещал заменить ещё месяц назад. Лера стояла у окна с чашкой кофе в руках и смотрела, как дождь заливает стекло. Я сидел за столом, вертя в пальцах вилку. — Я ухожу, — сказала она, не оборачиваясь. Вилка выпала из моих пальцев и звякнула о тарелку. — Совсем? — глупо спросил я, хотя уже знал ответ. — Совсем. Я долго думала, Жень. Месяц, наверное. И поняла, что так больше нельзя. Ты хороший, ты очень умный, но... я не могу ждать, пока ты станешь тем, кем обещал. У меня есть шанс построить нормальную жизнь, и я хочу им воспользоваться. Прости меня. — Это из-за него? — спросил я, и в голосе прозвучала горечь, которую я не смог скрыть. — Из-за Глеба Игоревича? Она повернулась и посмотрела мне в глаза. Впервые за долгое время — прямо, без увиливаний. — Он хотя бы знает, чего хочет, — сказала она тихо. — И может это дать. Мне не нужны миллиарды, Жень. Мне нужна стабильность. Мне нужен мужчина, который не стесняется того, чем занимается. Мне нужен человек, с которым я смогу строить планы, а не ждать у моря погоды. Она поставила чашку на подоконник, взяла сумку — уже собранную, я заметил, она подготовилась заранее — и пошла к двери. На пороге обернулась. — Ключи оставь в почтовом ящике. И... Жень, ты не пропадёшь. Ты сильный. Просто сейчас ты этого не знаешь. Дверь закрылась. Щёлкнул замок. Я остался сидеть за столом, глядя на мигающую лампочку, и чувствовал, как внутри что-то медленно умирает.

Я не плакал — не мог. Слезы пришли позже, через несколько дней, когда я ночью стоял на заправке и грел руки о картонный стакан. А тогда я просто сидел и смотрел в стену, и в голове крутилась одна мысль: «Я потерял её. Я потерял всё, что у меня было». И только много позже я понял: я не потерял ничего, кроме иллюзий. Но это понимание пришло ещё не скоро.

Часть 3

Глава шестая. Последнее собеседование.

После ухода Леры прошло около двух недель. Две недели, которые я прожил как в тумане — не помню деталей, не помню, что ел и спал ли вообще. Помню только бесконечные ночные смены, белые полосы встречных фар на мокром асфальте и тишину пустой квартиры, которая давила на уши. Я включал телевизор, чтобы создать хоть какой-то шум, но даже голоса ведущих казались мне ненастоящими, картонными, как декорации в плохом театре. Я продолжал таксовать, потому что это было единственное, что у меня осталось. Днём спал или пытался спать — лежал, уставившись в потолок, и прокручивал в голове все наши разговоры с Лерой, все моменты, когда я мог что-то изменить, но не изменил. Вечером выходил на линию и работал до рассвета. Агрегаторы не спрашивают о твоём настроении, им всё равно, бросила тебя девушка или нет. Им важно, чтобы ты принял заказ, доехал до клиента и поставил галочку «выполнено». И я ставил. Однажды утром, когда я вернулся домой и рухнул на диван не раздеваясь, меня настигло странное ощущение. Я вдруг понял, что больше не могу. Не могу просыпаться в пустой квартире, не могу смотреть на мигающую лампочку, которую так и не заменил, не могу слышать в голове Лерин голос. Что-то должно измениться. Либо я сейчас встану и сделаю шаг, либо лягу и больше не встану. Я сел на диване, протёр глаза и открыл ноутбук. На рабочем столе до сих пор висела папка «Резюме и вакансии». Я открыл её, пролистал десятки сохранённых объявлений и вдруг наткнулся на то, что пропустил раньше. «Международная консалтинговая компания "Бридж-Консалт" объявляет конкурс на позицию младшего аналитика. Требования: высшее экономическое образование, знание английского, опыт работы от года. Зарплата — от восьмидесяти тысяч рублей». Восемьдесят тысяч — это в два раза больше, чем я зарабатывал в такси при самой удачной неделе. В четыре раза больше, чем мне предлагали на том первом собеседовании в инвестбанке. Я посмотрел на дату: приём резюме до конца недели. Сегодня была пятница. Я вскочил и начал лихорадочно перебирать вещи. Костюм — тот самый, тёмно-синий, купленный на последние деньги, — лежал в шкафу, аккуратно сложенный и пахнущий нафталином. Я надел его, встал перед зеркалом и не узнал себя. Из зеркала смотрел осунувшийся, бледный человек с тёмными кругами под глазами и затравленным взглядом. Человек, который не спал нормально уже много недель. Человек, который потерял любовь, веру в себя и почти потерял надежду. Но в глубине его глаз ещё тлел какой-то огонёк — последний, умирающий, но тлел. И я решил, что это мой последний шанс. Офис «Бридж-Консалт» находился в районе Павелецкой, в новом бизнес-центре со стеклянным фасадом и охраной, которая проверила мой паспорт так тщательно, будто я собирался пройти в хранилище Центробанка. Лифт был бесшумным и быстрым, с зеркальными стенами, в которых я снова увидел своё отражение. На этот раз я поправил галстук, глубоко вздохнул и сказал себе: «Ты справишься. У тебя красный диплом. У тебя есть опыт — пусть не аналитический, но опыт реальной жизни. Ты видел то, чего не видят эти чистенькие мальчишки из офисов». На ресепшене меня встретила девушка с голливудской улыбкой и отправила в переговорную номер три. Я вошёл и замер. За длинным стеклянным столом сидели трое: мужчина лет пятидесяти с безупречным пробором, женщина средних лет в строгом костюме и мой бывший однокурсник Денис Кравченко. Тот самый Денис, который на втором курсе просил у меня списать курсовую и которому я помогал готовиться к экзамену по макроэкономике. Тогда он был скромным, немного неуклюжим парнем в свитере с растянутыми рукавами. Сейчас он сидел в дорогом костюме, с бейджиком «Старший аналитик» и смотрел на меня так, будто видел впервые. — Евгений Князев? — спросил мужчина с пробором, листая моё резюме. — Присаживайтесь. Я сел. Денис едва заметно кивнул мне и тут же отвёл взгляд. Мужчина — его, кажется, звали Сергей Викторович — задавал стандартные вопросы: почему я хочу работать у них, каковы мои карьерные

цели, какие аналитические инструменты я знаю. Я отвечал чётко, по делу, без лишних эмоций. Рассказал о своём дипломе, о статье в «Вопросах экономики», о моделях прогнозирования валютных рисков, которые я строил. Женщина одобрительно кивала, делая пометки в блокноте. Денис молчал, изучая свои руки. А потом Сергей Викторович задал вопрос, от которого у меня всё оборвалось внутри:— В вашем резюме указано, что последние полгода вы работаете в сфере пассажирских перевозок. Я правильно понимаю — таксистом? В переговорной повисла тишина. Я видел, как женщина отложила ручку. Как Денис поднял глаза и посмотрел на меня — и в его взгляде промелькнуло что-то среднее между жалостью и неловкостью.— Да, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я работаю таксистом. Это дало мне возможность изучить город, понять транспортные потоки, научиться общаться с людьми и принимать быстрые решения. Я считаю, что этот опыт тоже ценен. Сергей Викторович переглянулся с женщиной. Потом снова посмотрел на меня и сказал:— Понимаете, Евгений, у нас серьёзная компания. Мы работаем с крупными клиентами, государственными структурами. Для нас важна репутация. И когда мы видим в резюме соискателя такую гм позицию, у нас возникают вопросы. Не потому что мы предвзяты. Просто это говорит о том, что вы не смогли найти работу по специальности. А значит, что-то не так.— Что-то не так с рынком труда, — ответил я. — Но не со мной.— Рынок труда таков, каков он есть, — сказала женщина мягко, но твёрдо. — И если рынок не принимает вас, возможно, проблема не в рынке. Я сжал кулаки под столом. Мне хотелось встать и сказать им всё, что я думаю об этом рынке, об их стерильных офисах, об их презрении к людям, которые просто пытаются выжить. Но я сдержался. Вместо этого я посмотрел на Дениса — прямо, не отводя глаз.— Денис, — сказал я, — ты меня знаешь с первого курса. Скажи им, кто я. Денис замер. Было видно, что он не ожидал этого. Он обвёл взглядом своих коллег, прокашлялся и произнёс:— Женя Князев действительно был лучшим на нашем курсе. У него выдающиеся аналитические способности. Я не знаю, почему он работает таксистом, но его знания заслуживают— Спасибо, Денис, — перебил его Сергей Викторович. — Мы учтём ваше мнение. Евгений, мы свяжемся с вами. Всего доброго. Я встал, кивнул и вышел. В коридоре меня догнал Денис.— Жень, подожди. Я обернулся. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, как тогда, на втором курсе, когда просил списать курсовую.— Ты извини, — сказал он, понижая голос. — Я правда хотел помочь. Но у них политика. Они не берут людей с «уличным» опытом. Считают, что это портит бренд.— Уличный опыт, — повторил я горько. — Это ты хорошо сказал. Уличный.— Я серьёзно, Жень. Я поговорю с Сергеем Викторовичем, может, удастся переубедить.— Не надо, Денис. Всё нормально. Спасибо, что хотя бы попытался. Я пожал ему руку и пошёл к лифту. В зеркальных стенах я снова увидел себя — в дорогом костюме, с галстуком, с резюме в руках, — и вдруг понял, что это маскарад. Я не один из них. Я никогда не был одним из них. И, возможно, никогда не буду. Выйдя из бизнес-центра, я остановился на крыльце и посмотрел на небо. Моросил мелкий дождь — тот самый, который идёт в Москве по три дня подряд, превращая снег в грязную кашу. Я расстегнул галстук, сунул его в карман и зашагал к метро. В этот момент я принял решение. Хватит. Хватит обивать пороги, хватит унижаться, хватит ждать, что кто-то меня оценит. Если система не хочет меня принимать, я построю свою. Дома я переоделся, взял ключи от «Соляриса» и вышел на линию. Приложение пиликнуло: заказ на Тверской. Я нажал «Принять» и поехал. В кармане куртки лежал диплом — я снова положил его туда, сам не зная зачем. Может быть, как напоминание. Может быть, как оберег. А может быть, как доказательство того, что я не хуже их. Что я — Князев Евгений, специалист по международным экономическим отношениям, — могу всё. Даже если пока не знаю, что именно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.